ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК ИБРАГИМА-ПАШИ

ВЛАСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

ХЕСТЕР Д. ДЖЕНКИНС

Хестер Дженкинс

Великолепный век Ибрагима-паши. Власть и предательство

«Центрполиграф»

1911

Дженкинс Х. Д.

Великолепный век Ибрагима-паши. Власть и предательство / Х. Д. Дженкинс — «Центрполиграф», 1911

На фоне подробного описания обычаев и нравов высшей знати османского государства XVI века автор повествует о яркой и трагичной судьбе Ибрагима-паши, великого визиря Сулеймана Великолепного. Юношеская дружба с султаном, которая переросла в долговременный прочный союз, стремительное восхождение к вершинам власти, формирование характера и качеств государственного деятеля с почти неограниченной властью, обретение славы успешного воина и тонкого дипломата и наконец происки противников и противостояние с женой султана, жестокой и склонной к интригам Хюррем-султан, стоившее Ибрагиму-паше жизни.

© Дженкинс Х. Д., 1911
© Центрполиграф, 1911

Содержание

Вступление 6
Глава 1 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Хестер Д. Дженкинс
Великолепный век Ибрагима-паши
Власть и предательство

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Вступление

Обстоятельно изложить биографию Ибрагима-паши, полную удивительных событий и самой красочной романтики, парадоксальную, почти непостижимую в ее стремительных переменах для европейского человека, очень трудно; однако сама ее необычайность типична для Востока, и, поняв эту достойную пера романиста биографию, вы получили бы ключ ко многим загадкам турецкого образа жизни и мировоззрения. Но единственный шанс разобраться в ней – это изгнать из своего ума западные установки и принять как факт то, что кажется плодом буйной фантазии. Ибрагим-паша по национальности не был турком, что объясняет некоторые парадоксы его жизненного пути, но он всю жизнь прожил в турецкой куль туре, одной из примечательных черт которой является ее способность быстро усваивать и приспосабливать инородные элементы. Размышляя о народе Турции, нужно обязательно иметь в виду, что турки не относятся ни к арийцам, ни к семитам и не связаны ни с персами, ни с арабами, ни с греками, ни с евреями. Коль скоро даже ученые-этнологи не решаются четко определить национальные различия, дилетанту не стоит и пытаться относить турок к урало-алтайской или другой группе, однако мы можем принять за факт, что турки явились в Европу из Центральной Азии и в какой-то степени связаны с татарами и монголами на Востоке и, вероятно, с венграми и финнами на Западе. Тюркские народы Центральной Азии в период с VIII по XI век уже обладали качествами, характерными для турок эпохи, о которой рассказывает эта книга, и для современного народа Турции.

Леон Каон в своей монографии о тюрках и монголах тщательно исследовал эти древние тюркские народы, и я вкратце изложу его взгляды.

Главным качеством тюрков Центральной Азии была их воинственность. Как говорилось в персидском стихе: «Они пришли, разграбили, сожгли, убили, напали и исчезли». От них требовалось одно – подчинение, единственным преступлением была измена. Деятельность для них означала войну, одно слово у них выражало мысль, которая содержится в двух наших словах: «бежать» и «предать мечу». Идеальной смертью считалась гибель в бою, как говорилось в пословице: «Человек рождается в доме, а умирает в поле». В их самых древних культах на первом месте поклонение металлу и мечу.

Вторым заметным качеством был иерархический дух и сильная приверженность дисциплине. Неподчинение начальнику и заговоры всегда карались смертью. О том, каков был их идеальный правитель, свидетельствует надпись с надгробной плиты, обнаруженной в Монголии. Суть этой эпитафии, посвященной в 733 году тюркским каганом своему брату Кюль-тегину, заключается в следующем: «Мы переговорили с моим младшим братом Кюль-теги ном, и, чтобы не пропало имя и слава народа, добытого нашим отцом и дядею, я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел без дела днем… Так как на моей стороне было счастье и удача, то я поднял к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым не имущий народ, сделал многочисленный народ».

Еще одно свидетельство их политических идеалов можно найти в «Искусстве правителя», дидактической поэме, описывающей тюркское общество XI века. В ней говорится: «Разговаривай с людьми по-доброму, но не позволяй им фамильярничать. Давай им еду и питье». Также она побуждает правителя так поступать ради блага бедных.

«Искусство правителя» показывает третье свойство средневекового тюрка: его любовь к образованию. Гражданские чиновники по рангу стоят выше беев (бей – военное звание XI века, примерно соответствующее полковнику или, возможно, более высокому званию). «Честь всегда дружит со знанием». «Помни, в этом подлунном мире есть два вида благородных людей: во-первых, беи, во-вторых, ученые… Первые руководят народом, вторые своими знаниями показывают путь».

Хотя турецкий народ прошел путь развития от варварских племен до цивилизованного государства, Османская империя XVI века основывалась на описанных принципах, и султан Сулейман являл такие же качества и воззрения, которыми обладали Кюль-тегин и его брат.

В конце X века ветвь тюрков, завоеванная арабами, приняла ислам, и с течением времени все тюрки стали мусульманами. Естественно, посредством своей религии арабы оказывали значительное влияние на грубых тюрков, настолько сильное, что тюркская мысль с тех пор уже не была свободна от арабского влияния. Тюрки очень верные люди и всем сердцем приняли навязанную им веру. По природе своей они не фанатичны: напротив, отличаются терпимостью, а там, где фанатизм существовал, он вырос из политических условий или был чужеродной чертой, перенятой вместе с исламом (я основываю этот вывод на личных наблюдениях, а также его поддерживают Леон Каон и другие). Как ни странно и, может быть, прискорбно, когда у тюрков появилась письменность, они подпали не под арабское, а персидское влияние, и в течение нескольких веков, фактически вплоть до нашего времени, турецкая литература была подражанием персидской, очень формальной и риторической. Таким образом, двумя основными силами, сформировавшими турецкий образ мыслей, были арабское богословие и персидская поэзия, и это хорошо видно по большому количеству арабских и персидских заимствований в турецком языке.

В XII веке вторгшиеся в Малую Азию азиатские орды вошли в соприкосновение с греками, но между греками и тюрками интеллектуального взаимодействия не получилось.

В Малой Азии возникло и пало сельджукское царство; затем султан Осман (его имя дало название Османской империи) на его руинах поднялся к власти. Он и его потомки постепенно теснили, пока наконец не подчинили Византию. Османские завоевания продолжились, и через век после падения Константинополя Сулейман привел свои армии к стенам Вены, тем самым отметив самую дальнюю точку турецкого нашествия в Европе. При Сулеймане Турция не только господствовала на Балканском полуострове от Адриатического до Черного моря и до Дуная на севере, но и оказывала большое влияние на остальные европейские страны. Не было ни одного королевского двора в Европе, который мог бы позволить себе не считаться с султаном Сулейманом. Таким образом, жизненный путь Ибрагима, его прославленного великого визиря, не просто увлекательный роман – это жизненный путь, оказавший большое влияние на страхи и надежды Фердинанда Габсбурга, короля Испании Карла V, короля Франции Франциска I и даже короля Англии Генриха VIII, а также папы римского и венецианской синьории.

В расцвете своей мощи турки тем не менее были простым народом. В то время как западное общество шло от сложности к еще большей сложности, турецкое общество сохранило ничем не отягощенную простоту. Они были верны государству, религии, народу, семье, привычке, придерживались строго монотеистической религии, их правительство (вплоть до 24 июля 1908 года) было монархией самого простого типа, самодержавием; по всей видимости, это самый непритворно демократичный народ в мире, так как человек для них есть то, чем он стал благодаря собственным заслугам или удаче, независимо от его происхождения; они стремятся к единству в религии, государстве и обществе. В их морали преобладает такая же простота без всяких мучительных сомнений или софистики. Многое из того, что нам кажется сказкой, для них – бесспорная действительность.

В этой простоте и однозначности они категорически отличаются от арабов халифата, с которыми крепко связаны в сознании западного человека, хотя у них не было ничего общего, кроме религии. Позволю себе повторить, что турки гораздо более простой и воинственный народ, чем любая другая восточная нация.

Источники, рассказывающие о жизни Ибрагима, делятся на три группы: во-первых, это турецкие исторические и биографические сочинения из первых и вторых рук; во-вторых, рассказы европейцев – путешественников и жителей Константинополя, как, например, Мураджа д'Оссон, де Бусбек и венецианские бальи; и в-третьих, дипломатическая корреспонденция и

документы того времени из таких собраний, как «Переговоры» Шарьера, «Документы и акты» Гевая, «Коллекция» Норадунгяна и де Тесты.

Ограничиться одними турецкими источниками невозможно, так как, что характерно, в них нет никаких сведений об учреждениях и полностью отсутствуют описания. Абдурахман Шереф, историограф Турции, первый турецкий писатель, который, насколько мне известно, посвящает несколько глав таким общим темам, как «Провинции», «Литература» и тому подобное, в подражание европейским историческим трудам. Исторические трактаты времен Сулеймана – это скорее летописи, не уделяющие большого внимания мелким и личным деталям. Поэтому мы вынуждены обратиться к западным очевидцам в поисках сведений о турецком образе жизни, ведении войны и управлении государством, кроме тех случаев, где можно что-то почерпнуть из турецких законов и поэзии. При этом практически всему, что турки-османы рассказывают о себе и своих правителях, можно доверять всецело, как невозможно доверять западным свидетельствам. Человек, знакомый с Востоком, знает, как рассказ распространяется по базарам и в глубь страны или вверх по Нилу на сотни километров, с удивительной быстротой и еще более невероятной точностью, подобно тому, как рассказчик повторяет сказку теми же словами, которыми когда-то ее рассказывали далекие предки. Так и народ передает предания без прикрас и изменений. Турецкое предание – это выражение искренности и простоты турецкого характера. Турки не являются ни скептиками, ни выдумщиками, поэтому они передают рассказ в том виде, в каком они его услышали.

Конечно, есть и исключения из этого правила: «Послание о победе» Сулеймана местами не лишено преувеличений, а также была найдена история его правления, написанная век спустя в эпическом духе, где события его жизни трудно отыскать среди массы легенд. Но, видимо, это была попытка написать непосредственно эпическое произведение, и она очень отличается от ясного и прямого повествования обычного летописца. Если придворный летописец и украшает текст, то в основном это цветистые красоты слога, вроде «султан Сулейман, чья слава достигает небес, солнце доблести и геройства, тень Бога на земле, да хранит Аллах его душу». Иными словами, украшается стиль, а не факты, а факты передаются так же некритично и прямолинейно, как если бы об этом рассказывал ребенок.

Иногда точка зрения может казаться очень странной, поскольку автор делает ударение на том, что нам представляется не важным, но в таких случаях турецкий образ мыслей может объяснить, почему эта фраза, малозначительная для нас, важна для турецкого автора и читателя. В качестве примера возьмем турецкие отчеты о египетском походе Ибрагима. «Сулейман-наме» и более поздние повествования подробнее описывают трудности путешествия и почести, которыми наградил Ибрагима султан, чем то, как визирь в течение семи месяцев наводил порядок в Египте. Это, конечно, кажется, да и является наивным, но зато показывает, какой нелегкой задачей была морская экспедиция для сухопутного народа, а также что важнейшее значение имела благосклонность монарха, который был волен возвысить или отправить в опалу любого подданного. Кроме того, речь больше идет о напряжении, в котором проходила жизнь придворных и чиновников, чем об управлении провинцией, что, разумеется, напоминает все старинные исторические сочинения.

Глава 1
Возвышение Ибрагима

Ибрагим был христианином низкого рода, сыном греческого моряка из Парги. Он родился в 1494 году[1]. Еще ребенком его захватили турецкие пираты. Вероятно, сначала его продали вдове из Магнесии, которая дала ему хорошую одежду и хорошее образование и, в частности, навыки игры на музыкальном инструменте вроде скрипки, которым он овладел прекрасно.

Из противоречивых источников нельзя установить, то ли Сулейман, сын тогдашнего султана Селима I, познакомился с Ибрагимом и подпал под обаяние его личности и музыкального таланта во время одной из своих экспедиций в Малую Азию, то ли Ибрагима привезли в Константинополь и там продали принцу, но бесспорно известно одно: Ибрагим перешел в собственность Сулеймана[2].

Ибрагим никогда не забывал о своем происхождении и семье. В 1527 году отец приехал погостить к нему в Константинополь, а позднее Ибрагим перевез во дворец мать и двоих братьев. Он смог значительно улучшить жизнь своего отца, сделав его главой санджака (административная единица в Османской империи). Конечно, Ибрагим принял ислам, иначе не о чем было бы и говорить, потому что в то время христианин не мог добиться какого-либо успеха в Турции.

Бодье говорит, что мальчика Ибрагима доставили в Константинополь «те, кто взимает дань христианскими детьми». Эта дань в виде детей христиан взималась со времен правления Орхана (1326 – 1361), именно из них и формировалось грозное войско янычар. Эти дети, оторванные от своих стран и семей, как правило обращенные в ислам, в основном жили и проходили обучение в военных поселениях, и им запрещалось жениться. Поэтому у них не было иных интересов, кроме войны, и они никому не были обязаны верностью, кроме султана. Так из них получилась великолепнейшая из известных миру военная машина, самый совершенный инструмент для завоевателя, однако опасная сила в мирное время.

Иногда взятые таким образом дети воспитывались для невоенного поприща и не попадали в войска янычар. Молдавский господарь Кантемир рассказывает, что Ибрагим был простым янычаром 9-го полка. Я не смогла найти источник этого утверждения, но последующая карьера Ибрагима в качестве полководца султанских войск, кажется, подразумевает какую-то военную подготовку. Однако фон Хаммер считает утверждение Кантемира ошибкой и говорит, что Ибрагим получил невоенное образование.

Первой службой Ибрагима было место пажа при наследнике Сулеймане. Когда тот пришел к власти в 1520 году, он сделал Ибрагима главным сокольничим, а затем быстро возвысил его. Ибрагим прошел через должности хассодабаши, или главного эконома, бейлербея Румелии, визиря, великого визиря и, наконец, сераскира, то есть главнокомандующего вооруженными силами империи, – головокружительное восхождение. В этой связи Бодье рассказывает одну историю, которая вполне может оказаться правдивой, так как она довольно типична, хотя доказать ее достоверность невозможно. История такова: «Быстрое восхождение Ибрагима стало его тревожить. Непостоянство фортуны, как показывает судьба многих великих людей османского двора, внушило ему страх перед опасностями, которые грозят фаворитам, пользующимся наивысшими почестями при дворе, и служило уздой, которая сдерживала его желания.

---

[1] Он лично говорил послу Царе в 1532 году, что родился в одну неделю с Сулейманом. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

[2] Гийом Постель (1560) рассказывает немного другую версию. По его словам, в правление Селима I Ибрагима отдали в солдаты, а потом продали Искендеру Челеби, казначею Анатолии. Это интересно ввиду его последующих отношений с Искендером, но не подтверждается другими документами.

Он просил Сулеймана не возносить его на такую высоту, чтобы падение не стало его погибелью. Ибрагим доказывал ему, что скромное благополучие безопаснее величия, которым тот хотел его одарить; что он будет достаточно вознагражден за службу, если всего лишь получит возможность проводить дни в неге и покое. Сулейман отметил его скромность, но, желая поставить его на главные посты империи, поклялся, что не предаст смерти Ибрагима, пока будет править, какие бы иные перемены ни постигли двор». «Однако, – морализирует Бодье, – обстоятельства жизни царей, которые тоже люди и могут изменить свое решение, заставят Сулеймана нарушить обещание, и Ибрагим, как мы увидим, утратит его доверие и дружбу».

Для того чтобы понять турецкий двор, при котором прошла жизнь Ибрагима, нужно разобраться в тех постах, которые занимал Ибрагим. Подчиненные султана делились на шесть разрядов, или «покоев», заведовавших обслуживанием лично султана, казной, канцелярией, военной кампанией, плюс черные евнухи и белые евнухи. Личные слуги включали главного стремянного, главного ключаря, главного водочерпия, главного кофевара и так далее, всего тридцать девять человек. Старшие из этих «покоев» имели большое количество слуг, немых, карликов, музыкантов и пажей, некоторые пажи служили только лично сановникам государства, занимаясь их трубками, кофе или духами, а другие обслуживали султана. Видимо, Ибрагим сначала был пажом на службе у шехзаде – наследника престола, то есть Сулеймана.

Когда наследнику престола исполнялось тринадцать или четырнадцать лет, он получал собственный дворец, отдельный от отцовского, где его растили до тех пор. Как только он начинал подавать надежды, его посылали в какую-нибудь провинцию, чтобы он получил там опыт управления. Так, Сулейман в царствование его отца Селима был правителем малоазиатской Магнесии, что севернее Смирны, где он, вероятно, и познакомился со своим ровесником Ибрагимом. Шехзаде имел собственный двор с такими же чиновниками и званиями, что и двор султана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.